

УДК 81'373=161.1(292.471)

РЕДЕРИВАЦИЯ
КАК СПОСОБ ОККАЗИОНАЛЬНОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ УСТНОЙ СПОНТАННОЙ РЕЧИ ЖИТЕЛЕЙ КРЫМА)

Чепурина И. В.

Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь, Россия
E-mail: simgt@inbox.ru

В статье исследуется спонтанная разговорная речь жителей Крыма в аспекте действующего механизма окказиональных способов словопроизводства, в частности редеривации, или обратного словообразования. Выявлены и проанализированы окказиональные деривационные модели обратного словообразования, по которым создаются новые лексические единицы в повседневном непринужденном общении. Установлено, что в этом типе речи редеривация представлена всеми традиционно выделяемыми видами – десуффиксацией, депрефиксацией и депостфиксацией. Проанализированы структурно-семантическая специфика и особенности употребления редериватов выделенных типов с опорой на конкретную коммуникативную ситуацию общения. Проиллюстрирована наибольшая продуктивность депостфиксации как способа неузального словотворчества в сфере безличных глаголов, что свидетельствует об активном грамматическом процессе – превращении непереходных глаголов в переходные.

Автор приходит к выводу о том, что в спонтанной речи крымского города редеривация функционирует как словообразовательно-грамматическое явление. Обратное словообразование является способом создания не только окказиональных лексических единиц, но и окказиональных глагольных форм и выявляет креативный потенциал таких грамматических категорий, как вид и залог глагола, род имени существительного. Высокая продуктивность представленных деривационных моделей обратного словообразования в устной спонтанной речи позволяет рассматривать редеривацию как языковую технику по окказиональному заполнению пустующих клеток в словообразовании и грамматике.

Ключевые слова: окказиональное словообразование, окказиональные способы словообразования, деривация, редеривация, обратное словообразование, депрефиксация, десуффиксация, депостфиксация, речевое высказывание.

ВВЕДЕНИЕ

Динамика общественно-политической, экономической и культурной жизни российского общества в начале XXI века обусловила интенсивную динамизацию языка. Последняя отмечается лингвистами как общая доминанта развития современного русского языка, проявляющаяся в мощных тенденциях к его неологизации, экспрессивизации и демократизации [15, с. 30]. В этих условиях одной

из самых актуальных для лингвистики задач становится описание движения, развития, формирования всего нового на различных уровнях языка.

Общие языковые изменения, инновационный вектор их исследований определили особенный интерес к словотворческой активности носителей русского языка. Ярким проявлением этой активности являются лексические новообразования: они реализуют «индивидуальную творческую компетенцию говорящего» [7, с. 180], демонстрируют его способность к лингвокреативному мышлению. В то же время в процессах словотворчества раскрывается словообразовательный потенциал языка, отражаются определенные тенденции его развития. Об актуальности исследования лексических инноваций Р. Ю. Намитокова замечает: «...новые слова – это феномен живого языка... Следовательно, необходимость изучения с разных сторон появляющихся в языке и речи новых слов в связи с общим поступательным развитием лингвистической теории – не снимается никогда» [13, с. 6].

Многочисленные современные исследования демонстрируют различные аспекты и направления в изучении лексических новообразований (Л. В. Алешина, Е. А. Земская, В. П. Изотов, С. В. Ильясова, Л. Ю. Касьянова, В. В. Лопатин, А. Г. Лыков, Р. Ю. Намитокова, И. А. Нефляшева, Т. В. Попова, Л. В. Рацибурская, Е. В. Сенько и др.). Одним из таких аспектов являются окказиональные способы деривации.

Окказиональная деривация – это наиболее творческое словообразование, проявляющееся как «спонтанная тактика, вносящая во взаимодействие коммуникантов элементы речевой эстетики, ее появление нарушает речевой автоматизм и фокусирует внимание коммуникантов на форме языкового выражения» [1, с. 127]. Словообразовательный механизм окказиональных способов речетворчества обеспечивает бесконечное разнообразие слов, отвечающих всем потребностям общения. Экспрессивность высказывания и выражение авторских интенций – основные функции таких лексических единиц.

Убедительной иллюстрацией действующего механизма окказиональных способов деривации является спонтанная разговорная речь современного города. Она отражает быденное, народное сознание, без учета которого картина языковой жизни

социума будет неполной, так как «народная точка зрения, взятая сама по себе, есть часть социолингвистической ситуации и заслуживает самостоятельного рассмотрения» [2, с. 37]. В нашем фактическом материале городская речь репрезентирована языковыми фактами, отражающими прежде всего обиходно-бытовую сферу. Современные исследователи региональных особенностей русской речи в Крыму отмечают тенденцию к активному использованию разговорно-обиходных единиц в речи жителей полуострова, усматривая в этом действие константной прагматической потребности языковой личности [6, с. 130]. Л. И. Плотникова мотивирует преобладание лексических инноваций в обиходно-бытовой сфере ее «приоритетным характером и спецификой бытового общения, которая открывает неограниченные возможности для творческой реализации языковой личности» [17, с. 314]. Наиболее яркие факты такой реализации носителей русского языка зафиксированы нами на примере окказиональных способов словопроизводства, в частности редеривации, или обратного словообразования.

Цель настоящей статьи – выявить и проанализировать окказиональные деривационные модели обратного словообразования, по которым жители крымского города создают новые лексические единицы в повседневном спонтанном общении.

Материалом исследования послужил корпус высказываний и реплик диалогов жителей Крыма. Основу корпуса составили разговорные лексемы, извлеченные из «домашних диалогов» и «непринужденных диалогов знакомых» жителей культурных центров полуострова – Симферополя, Севастополя, Евпатории. Хронологические рамки фиксации и анализа языковых фактов – 2017–2019 гг.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Как известно, окказионализмы могут создаваться с помощью только им присущих, окказиональных способов, которые уже давно представляют интерес для научного изучения (А. Ф. Журавлев, Е. А. Земская, В. П. Изотов, Р. Ю. Намитокова, И. С. Улуханов, Н. А. Янко-Триницкая и др.). Однозначной классификации способов образования окказиональных слов нет. По замечанию Е. А. Земской, полное исчисление способов образования окказионализмов вряд ли возможно в принципе,

так как их создание – явление индивидуальное, поэтому подвести их под какой-то типовой способ бывает нередко трудно, а иногда и невозможно [7, с. 191]. Наиболее полная и убедительная типология этих способов, на наш взгляд, изложена В. П. Изотовым и А. В. Панюшкиным [9]. Она положена в основу нашей классификации и выделения в ее рамках редеривации как самостоятельного неузуального способа словотворчества.

Под редеривацией, или обратным словообразованием, в дериватологии понимается такой способ создания слов, при котором новое слово образуется от существующего не в виде производного, а в виде производящего [21, с. 291]. И. С. Улуханов данный способ деривации трактует как процесс отсечения суффиксов, приставок или просто фонем, не обладающих значением, т. е. как усечение основ мотивирующих слов. Обратный словообразовательный процесс, утверждает исследователь, – это окказиональное заполнение пустующей клетки, предназначенной в неполной словообразовательной цепочке для отсутствующего в ней слова [18, с. 39].

А. Г. Лыков отмечает, что обратное словообразование очень необычно и во многом неясно как в самом существе, так и в границах распространения [11, с. 66], а производность редериватов носит особый, уникальный характер, отличающий их от остальных производных слов [Там же, с. 70]. Следствием «особого характера» описываемого явления стала различная интерпретация места редеривации в системе способов современного словопроизводства. Так, к самостоятельным способам обратное словообразование относят А. Ф. Журавлев, Е. А. Земская, В. П. Изотов, Р. Ю. Намиткова, А. Г. Лыков, И. С. Улуханов и т. д. По мнению же Д. В. Гугунавы, все виды редеривации не стоит выделять в самостоятельные способы. Редеривация не имеет собственных словообразовательных средств, отличаясь лишь обратным направлением действия деривационной операции [5]. В. Н. Немченко выделяет редеривацию как один из диахронических способов словообразования – как отделение «от основы производящего слова аффиксальной морфемы, так называемого отрицательного суффикса» [14, с. 241]. А. И. Моисеев выводит этот способ за рамки словообразования, признавая при этом его явлением, ведущим к

обогащению языка новыми словами [12, с. 135]. Е. В. Петрухина относит редериваты к потенциальным единицам – обычным и нейтральным производным, заполняющим пустые клетки русской словообразовательной системы [16, с. 434].

Мы придерживаемся первой, традиционной точки зрения и подтверждаем речевыми фактами выделение внутри обратного словообразования следующих его видов.

Десуффиксация – отсечение суффикса или отрезка, по составу фонем тождественного суффиксу, но лишённого значения. Десуффиксаты представлены, как правило, именами существительными, в том числе сложными, реже глаголами.

Десуффиксация у имен существительных обусловлена разными причинами.

1. Желанием говорящего снять ощущаемый им оттенок уменьшительности, ласкательности, свойственный суффиксам -ик, -к(а) в существительных похожей структуры, но не соответствующий коннотации. Отсекая эти суффиксы, адресант отсекает и их значения. Дериват же приобретает новые смысловые оттенки по сравнению с производящим, а также субъективно-оценочные коннотации. Ср.: [Покупательница на рынке, очевидно хорошо знакомая с продавцом, глядя на крупные, мясистые стейки толстолобика, но не решаясь их купить:] – *Лена, ты толстолоба чаще как готовишь? – Люблю запекать (толстолоб ← толстолобик);* [В домашней обстановке, на кухне старшая сестра просит младшую, указывая на крупную фисташку в розетке с орехами:] *Вот эту фистаху подкинь (фистаха ← фисташка).* Разговорные производные *толстолоб*, *фистаха* приобретают увеличительное значение. *Толстолоб* – это реакция-впечатление, которое произвели на покупательницу крупные, тяжелые, внушительные рыбные стейки. В ситуации конкретного речевого общения этот дериват приобретает оценочную коннотацию и смысловые наращения ‘крупный’, ‘тяжелый’, ‘внушительный’. *Фистаха* – речевое выделение и оценка девушкой крупного фисташкового ореха на фоне более мелких. В речевом высказывании дериват получает значение ‘крупная фисташка’. Оба производных – это и эмотивные речемы (В. И. Шаховский), мотивированные эмотивным состоянием говорящего, т. е. эмоциональной составляющей конкретного речевого общения.

2. Эмоциональным состоянием говорящего, его потребностью в ситуации конкретного речевого общения экспрессивно обозначить объект и выразить свое отношение к нему. Смысловой план высказывания при этом не затрагивается. Дериват приобретает лишь субъективно-оценочные коннотации. Средством такой модификации является отсечение суффикса у мотивирующего слова. Например: [В разговоре студентов второго курса о старшекурсниках:] *А третьекуры на концерт пойдут? (третьекуры ← третьекурсники). Третьекуры* – шутливо-неодобрительное название старшекурсников, вероятно связанное с тем, что младшие курсы чаще задействуют в частых общественных мероприятиях, которые проводятся во второй половине дня после учебных занятий. Дериват прагматически заряжен – передает ощущение несправедливости и некоторого недовольства, испытываемых адресантом в данной коммуникативной ситуации.

Структурно-семантические особенности представленных производных (*толстолоб, фистаха, третьекуры*) позволяют квалифицировать их как субъективно-оценочные дериваты, окказионально заполняющие пустые клетки русской словообразовательной системы, в частности оценочного модификационного словообразования (*толстолобый → толстолобик → толстолоб* ‘крупный, тяжелый, внушительный толстолобик’; *фисташка → фистаха* ‘крупная фисташка’; *третий курс → третьекурсник* и (разг., неодобр.) *третьекур*). Увеличительно- и усилительно-оценочная составляющая семантики, экспрессия формы переводит такие новообразования в средства экспрессивной оценки отдельных понятий, а также в инструмент экспрессивизации и прагматической характеристики речевого высказывания в целом. Ср. по этому поводу замечание В. В. Химика: «...увеличительно-усилительные преобразования слов при всей их этической и эстетической неоднозначности – значительный и важный лексико-семантический резерв русского лексикона, постоянно пополняющий и расширяющий его состав экспрессивными эмоционально-оценочными вариациями, а в некоторых случаях и дополнительными сигнификативными наращиваниями смыслов, что, несомненно, является свидетельством жизненности и богатства национального русского словаря» [19, с. 388].

3. Существительные-десуффиксаты могут возникать только как инструмент языковой игры, как способ экспрессивизации речевого высказывания. Уход от нормы в таких случаях оправдан желанием адресанта выделиться через речь, а также его потребностью повысить коммуникативную значимость произносимого слова. В качестве средства выбирается своеобразная деформация слова. Ср.: [Женщина лет 40, около зеркала, собираясь в выходной день на прогулку, обращается к дочке:] *Какие мне сегодня **серегу** надеть?* (*серегу* ← *серезжки*). Дериват *серегу* не приобретает ни смысловых, ни субъективно-оценочных коннотаций и отличается лишь «особой акцентной функцией» (О. Г. Ревзина).

Глагольные десуффиксальные производные образуются от сложных имен существительных на -ние со значением действия. Дериваты имеют транспозиционное значение и выполняют прежде всего компрессивную или компрессивно-экспрессивную функцию. Ср.: [Девушка в гостях, в тесном коридоре хрущевской квартиры, где собралось несколько человек:] *Давайте я уже выйду, чтобы здесь не **столпотворить*** (*столпотворить* ← *столпотворение*); [На прогулке в симферопольском городском парке девушка восхищается красотой природы, на что ее молодой человек отвечает:] *Ах-ах, ой, давай ты **красноречить** у себя в универе будешь* (*красноречить* ← *красноречие*). Сложные глаголы *столпотворить*, *красноречить*, не представленные в узуальной лексике, – это восстановленные промежуточные звенья словообразовательной цепи (*творить толпу* → (*столпотворить*) → *столпотворение*; *красная речь* → (*красноречить*) → *красноречие*). Они образованы окказионально посредством удаления форманта предшествующей стадии образования. «Творение» этих окказионализмов можно понять с учетом коммуникативной ситуации. В первом случае созданное говорящим слово является более емким и кратким языковым средством: *столпотворить* вместо *создавать столпотворение*; во втором, кроме компрессии, это еще реакция на поведение собеседницы, способ психологического воздействия на нее.

Десуффиксация глагольной лексемы может являться средством создания окказионального видового коррелята совершенного вида. Ср.: [Преподаватель коллеге в неформальной обстановке:] *О том, что защита прошла прилично, я узнала,*

когда ехала с дочкой по кресельной канатке на Эльбрусе. Спускались минут 20. Поэтому там же мы с Любой и **переписались** (переписаться ← переписываться). Так, окказиональное словообразование может сопровождаться окказиональным формообразованием.

Депрефиксация – отсечение префикса мотивирующего слова и его семантических компонентов. В отличие от предыдущей группы депрефиксаты представлены различными частями речи – существительными, прилагательными, глаголами, наречиями. Как правило, они создаются говорящим после употребления им в высказывании исходного слова и семантически четко коррелируют с мотивирующей лексемой. При этом отсечение приставок используется адресантом для образования контекстуальных антонимов. Сопоставление в тексте однокоренных антонимов, отличающихся наличием / отсутствием префикса, усиливает общую выразительность высказывания. Ср.: [Из диалога между двумя девушками в маршрутке, одна из которых достает из сумки телефон:] *Мне позвонили, а я как поставила свой телефон на беззвучку, чтоб ребенка не разбудить, так он и остался. Пора ставить на звучку*; [Разговор двух подруг, женщин лет 45, отправившихся в субботу на природу:] *Своему сказала, что в субботу меня не будет, так он сразу: «Целый день ребенок будет беспризорный». А если бы он [муж] остался в субботу дома, то ребенок был бы, конечно, **призорный**...*; [Из домашнего диалога на кухне между мамой и дочкой:] – *Я очень хочу фундук. Можно поем немножко? – Да хоть **множко**.*

Отсечение приставки в глагольном слове может являться средством образования окказионального видового коррелята – глагола несовершенного вида от совершенного. Например: [Туристы той части группы, которая отстала от основной для технической остановки и свернула в сторону от тропы:] – *А вот кто-то заблудился. Надо подождать. – Мы не заблудились. И вы к нам, пожалуйста, сюда не **блудитесь**.*

Реже в речевом контексте мотивирующее слово отсутствует. В таких высказываниях антонимичность словообразовательной пары, а также видовая соотносительность девербативных производных не эксплицируются. Ср.: [При

примерке шапки в магазине женщина обращается к другой покупательнице с вопросом:] *Как вы думаете, эта шапка сидит на мне **лепо**? (лепо ← нелепо);* [Женщина средних лет жалуется на свое состояние, изменившееся после конфликта на работе:] *Бессонница замучила. Все **циклюсь** и **циклюсь** на этом скандале. Ни днем не отпускает, ни ночью (циклиться ← зациклиться).*

Структура представленных депрефиксатов *звучка, призорный, множко, блудиться, лепо, циклиться* позволяет квалифицировать их как языковые единицы, окказионально заполняющие пропущенные звенья в неполных словообразовательных цепочках: *звук → звучать → (звучка) → беззвучка; призреть → (призорный) → беспризорный, много → (множко) → немножко, блудить → (блудиться) → заблудиться, цикл → (циклиться) → зациклиться*. При этом в данных цепочках на окказиональном деривационном шаге реализуется собственно номинативная функция словообразовательного средства – отсечения префикса, так как семантическая структура деривата приобретает новые номинативные элементы значения по сравнению с производящими.

Некоторые субстантивные окказионализмы, образованные посредством редеривации и окказионально заполняющие пропущенные звенья в словообразовательных цепочках, могут совпадать с вышедшими из употребления словами, от которых исторически было образовано существительное. Ср.: *нелепо → лепо*, где окказиональный дериват совпадает с вышедшим из употребления *лепо* ‘хорошо, красиво, бесподобно’; *призреть → (призорный) → беспризорный*, где, согласно В. И. Далю, *призорный* – ‘к призору вообще относящийся’. В таких случаях корректнее говорить не об окказиональном заполнении, а о восстановлении исторического звена, о вхождении бывшей нормы в современную речь.

Депостфиксация. Отсечение постфикса – самая распространенная разновидность обратной деривации, которая является предметом изучения не только в дериватологии, но и в грамматике. Интерес как к словообразовательному явлению мотивирован тем, что любой возвратный глагол, в том числе непроизводный, с точки зрения современных словообразовательных связей не утрачивает членимости. Это связано с особым, постфлексионным положением постфикса -ся. В основе

депостфиксации лежит использование механизма образования возвратных глаголов, действующего в современном языке [20, с. 270]. В грамматике же депостфиксация выявляется в сфере возвратных глаголов как словообразовательное средство для коммуникативной актуализации объекта действия, названного глаголом, и изменения его грамматических характеристик – перевода из непереходного в переходный. С помощью депостфиксации выражается каузативное значение ‘делать / сделать так, чтобы осуществилось действие, названное мотивирующим глаголом’, или ‘заставлять / заставить сделать что-либо’. Переходность глагола, как констатирует М. Н. Эпштейн, – это выражение семантики активного действия, преобразующего свой предмет. Переходное употребление непереходных глаголов служит “экономии мышления”, поскольку оно позволяет сразу обозначить не процесс, а результат каузации [22].

Ср.: [Из разговора женщин-филологов, разместившихся после долгой прогулки на берегу крымского степного озера:] *Я думала, что меня так **наслаждает** сегодня?* Поняла: *это полное отсутствие людей. Весь день и вся красота – только наши!* (*наслаждать ← наслаждаться*); [Женщина старшей дочери при выписке мужа из хирургического отделения городской больницы:] *Папа в больнице очень похудел. Нам придется его быстро **поправить**, чтобы на пляже прилично выглядел* (*поправить ← поправиться*); [Мама дочке-подростку, отправляющейся за покупками:] *Если в магазине тебя что-то будет **сомневать** – звони, посоветуемся* (*сомневать ← сомневаться*). [Женщина, лет 30, мужчине, ругающемуся в маршрутке с пассажирами:] *Мужчина, не нужно с ними ругаться. Вы же сами в них **просыпаете** агрессию* (*просыпать ← просыпаться*); [Из телефонного разговора преподавателя-журналиста относительно срочной встречи на факультете для пересдачи зачета:] *В три часа меня могут уже начать **совещать**. Постарайтесь успеть до трех* (*совещать ← совещаться*); [Из диалога между бабушкой и внучкой, которая обожглась горячим чаем, после чего взяла ложку сахара и положила его на язык:] – *Это откуда? – Один лайфхак: сахар – средство от ожога. – Терпеть не могу это слово. Есть доброе наше сочетание: полезный совет. Эти ваши лайфхаки скоро совсем **выродят** родной язык.*

Глаголы *наслаждаться, поправиться, сомневаться, просыпаться, совещаться, выродиться*, теряя указание на субъект действия, утрачивают постфикс -ся и приобретают зависимое местоимение или существительное со значением прямого объекта в форме винительного падежа. Становясь переходными, эти глаголы приобретают значение 'заставить / заставляя совершить / совершать действие, названное производящим глаголом с постфиксом -ся': *наслаждать* – 'заставлять наслаждаться'; *поправить* – 'заставить поправиться'; *сомневать* – 'заставлять сомневаться' и т. д. Так, один глагол обозначает и действие-результат, и действие-причину, которое к нему приводит.

Выявленные речевые употребления иллюстрирует продуктивность депостфиксации как способа неузуальной деривации в сфере безличных глаголов и подтверждают наблюдения лингвистов (Н. А. Быковой, Е. М. Мельниковой, Б. Ю. Нормана, Е. А. Ремчуковой, Т. И. Стексовой, М. Н. Эпштейна и др.) о превращении непереходных глаголов в переходные как активном грамматическом процессе, который может стать причиной изменения содержания самой глагольной категории переходности, а также о кардинальной перестройке норм синтаксической сочетаемости в русском языке [3, с. 99].

Кроме десуффиксации, депрефиксации и депостфиксации, традиционно выделяемых способов обратного словообразования, И. С. Улуханов к редеривации относит пары типа няня → нянь, фифа → фиф, обезьяна → обезьян [18, с. 39], отражающие нестандартную вербализацию категорию рода имен существительных. Исследователь полагает, что в подобных корреляциях следует «усматривать либо «депарадигматизацию» (обратную конверсию), либо отсечение нулевого суффикса (своеобразную разновидность десуффиксации)» [Там же, с. 40]. Ср. выделенные нами единицы: [Реплика зрительницы на студенческом концерте:] *Хорошо играет. Наверное, у нее хороший муз* (муз – муза); [Школьник, иронично, о герое телепередачи, юноше 17–18 лет, сидящем на шее у родителей:] *Вот это Золушок, переутомился, наверное* (Золушок ← Золушка); [На улице девочка-подросток маме, глядя на подбежавшую рыжую дворнягу:] *Какой замечательный дворняжий собак!* *Когда же мы наконец свою заведем* (собак ← собака); [Женщина подруге о ее муже-

портном:] *Костя всегда швеем-волишебником был. Как мог без работы остаться? (швей ← швея)* и др.

В. П. Изотов квалифицирует отмеченные дериваты как результат заменительного словообразования, а именно трансфлексии: трансфлексия наблюдается, когда нулевое окончание заменяется материально выраженным или наоборот (при этом меняется род существительного) [10, с. 27]. Д. В. Гугунава подобные корреляции называет мутацией парадигмы, что является не средством, а собственно способом деривации. «Парадигма не заменяется, а изменяется, – замечает исследователь, – мутирует, что является не причиной, но следствием поиска новой формы для возникшей потребности в номинации феномена, соотносимого с имеющимся по семантическому критерию «женское/мужское начало» [4]. Однако большинство исследователей трактуют данный способ как флексацию (Е. А. Земская, А. И. Моисеев, Р. Ю. Намиткова, В. Н. Немченко и др.).

Как известно, родовые корреляты – это предмет исследования не только словообразовательной науки, но и грамматики. Например, приведенные пары рассматриваются в аспекте грамматических инноваций, в частности как креативное переосмысление грамматической категории рода (Н. Г. Бабенко, О. Л. Богатырева, Т. А. Гридина, Л. В. Зубова, Е. Н. Ремчукова и др.). Так, корреляции *муз ← муза, Золушок ← Золушка, собак ← собака, швей ← швея* и т. д., по мнению Л. В. Зубовой, мотивированы стремлением упорядочить родовую соотносительность одушевленных существительных: противопоставленности одушевленных существительных по роду «не хватает» грамматической полноты и четкости, что оправдывает стремление «представить категорию рода более коррелятивной» [8, с. 208].

Таким образом, нестандартное образование родовых коррелятов мужского рода от одушевленных существительных женского рода посредством обратного словообразования рассматривается в сфере и лексических, и грамматических инноваций, что указывает на морфолого-словообразовательный характер грамматической категории рода. Трактовки обратной деривации как словообразовательного явления отличаются нечетким различием редеривации,

субституции, флексии. Это свидетельствует о диффузности, сложности феномена редеривации, ясность в изучении которого еще не достигнута.

ВЫВОДЫ

Проанализированные деривационные модели обратного словообразования – яркая иллюстрация эффективности механизма окказионального словотворчества в условиях спонтанного городского общения. Редеривация в этом типе речи представлена всеми традиционно выделяемыми видами – десуффиксацией, депрефиксацией, депостфиксацией, которые выявляют деривационные процессы, активно идущие в современном разговорном дискурсе.

Редеривация это словообразовательно-грамматическое явление, поскольку является способом создания как окказиональных лексических единиц, так и окказиональных глагольных форм. Отсечение префикса и суффикса в именах существительных, прилагательных и наречиях квалифицируется как словообразовательное средство, в глагольных же лексемах оно может выступать как средство формообразования, в частности для создания окказиональных видовых коррелятов. Отсечение постфикса является средством транзитивации непереходных глаголов. При создании родовых коррелятов, флексия, указывающая на род, – это одновременно и словообразовательное, и формообразующее средство. Следовательно, редеривация как окказиональный способ речетворчества выявляет креативный потенциал таких грамматических категорий, как род существительного, вид и залог глагола, отражая тем самым морфолого-словообразовательный аспект русской грамматики.

Редеривация – действенный способ современного спонтанного речетворчества, при котором отсечение префиксов, суффиксов и постфиксов исходного слова говорящим производится свободно и частотно. В силу этого данный способ неузального словопроизводства может рассматриваться как функциональная языковая техника по окказиональному заполнению пустующих клеток словообразовательной или грамматической системы. При этом результатом

окационального деривационного шага являются как номинативные, так и субъективно-оценочные дериваты.

Список литературы

1. Борисова, И. Н. Русский разговорный диалог : структура и динамика [Текст] / И. Н. Борисова. – М. : Изд-во КД «ЛИБРОКОМ», 2009. – 320 с.
2. Брайт, У. Введение: параметры социолингвистики [Текст] / У. Брайт // Новое в лингвистике. – Вып.7. Социолингвистика. – М. : Прогресс, 1975. – С. 34–42.
3. Быкова, Н. А. Развитие категории переходности у непереходных глаголов в современной речи [Текст] / Н. А. Быкова, Е. М. Мельникова // Ярославский педагогический вестник – 2014. – № 1 – Том I (Гуманитарные науки). – С. 99–103.
4. Гугунава, Д. К инвентаризации способов словопроизводства [Электронный ресурс] / Д. Гугунава. – Режим доступа : <https://www.proza.ru/2002/12/18-40>. – (Дата обращения: 12.04.20).
5. Гугунава, Д. Что такое субституция и редеривация? [Электронный ресурс] / Д. Гугунава. – Режим доступа : <https://www.proza.ru/2002/12/18-38>. – (Дата обращения: 15.02.20).
6. Забашта, Р. В. Традиции и инновации в концепции «Русского лингвокультурологического словаря Крыма» [Текст] / Р. В. Забашта // Ученые записки КФУ имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – Симферополь. – 2019. – Том 5 (71). – № 4. – С. 126–149.
7. Земская, Е. А. Словообразование как деятельность [Текст] / Е. А. Земская. – М. : КомКнига, 2005. – 224 с.
8. Зубова, Л. В. Категория рода и лингвистический эксперимент в современной поэзии [Текст] / Л. В. Зубова // Проблемы функциональной грамматики: Категории морфологии и синтаксиса в высказывании. – СПб. : Наука, 2000. – С. 194–210.
9. Изотов, В. П. Неузальные способы словообразования: конспекты лекций к спецкурсу [Текст] / В. П. Изотов, В. В. Панюшкин. – Орел : Изд-во ОГУ, 1997. – 40 с.

10. Изотов, В. П. Параметры описания системы способов русского словообразования (на материале окказиональной лексики русского языка) [Текст] : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / В. П. Изотов. – Орел, 1998. – 35 с.
11. Лыков, А. Г. Обратное словообразование [Текст] / А. Г. Лыков // Русская речь. – 1987. – № 2. – С. 66–70.
12. Моисеев, А. И. Основные вопросы словообразования в современном русском литературном языке [Текст] / А. И. Моисеев. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1987. – 206 с.
13. Намиткова, Р. Ю. Авторские новообразования: структура и функционирование (на материале русской поэзии второй половины XX века) [Текст] / Р. Ю. Намиткова. – Майкоп : Изд-во АГУ, 2015. – 359 с.
14. Немченко, В. Н. Современный русский язык. Морфемика и словообразование : учебник [Текст] / В. Н. Немченко. – Нижний Новгород : НГУ, 1994. – 296 с.
15. Норман, Б. Ю. Какая новая русская грамматика нам нужна? [Текст] / Б. Ю. Норман // Сборник тезисов международного научного симпозиума «Русская грамматика 4.0» (Москва, 13–15 апреля 2016 года). – Москва : ФГБОУ ВО «Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина», 2016. – С. 30–32 [Электронное издание].
16. Петрухина, Е. В. Возможности, функции и конкуренты словопроизводства в современном русском языке [Текст] / Е. В. Петрухина // Новые явления в славянском словообразовании: система и функционирование. Доклады XI Международной научной конференции Комиссии по славянскому словообразованию при Международном комитете славистов. – М. : Макс Пресс, 2010. – С. 424–443.
17. Плотникова, Л. И. Лексические новообразования в русском языке / Л. И. Плотникова // Теория и практика ономастических и дериватологических исследований : коллективная монография / науч. ред. В. И. Супрун, С. В. Ильясова. – Майкоп : Изд-во «Магарин О. Г.», 2017. – С. 307–327.
18. Улуханов, И. С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация [Текст] / И. С. Улуханов; Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. – М. : URSS, Изд-во ЛКИ, 2008. – 225 с.

19. Химик, В. В. Экспрессивно-оценочный потенциал русского модификационного словообразования [Текст] / В. В. Химик // Новые явления в славянском словообразовании: система и функционирование. Доклады XI Международной научной конференции Комиссии по славянскому словообразованию при Международном комитете славистов. М. : Макс Пресс, 2010. – С. 376–389.
20. Цейтлин, С. Н. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи [Текст] / С. Н. Цейтлин. – М. : Знак, 2009. – 362 с.
21. Шанский, Н. М. Очерки по русскому словообразованию [Текст] / Н. М. Шанский. – Изд. 4-е. – Москва : Ленанд, 2016. – 332 с.
22. Эпштейн, М. Н. О творческом потенциале русского языка. Грамматика переходности и транзитивное общество [Электронный ресурс] / М. Н. Эпштейн // Знамя. – 2007. – № 3. – С. 193–207. – Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/znamia/2007/3/ep18.html> (дата обращения: 10.03.2020).

References

1. Borisova I. N. *Russkii Razgovornyi Dialog: Struktura i Dinamika* [Russian Spoken Dialogue. Structure and Dynamics]. Moscow: Knizhnyi Dom LIBROKOM Publ., 2009. 320 p.
2. Brait U. *Vvedenie: Parametry Sotsiolingvistiki* [Introduction. Parameters of Sociolinguistics]. *Novoe v Lingvistike. Vypusk 7. Sotsiolingvistika*, Moscow: Progress Publ, 1975, pp. 34–42.
3. Bykova N. A., Mel'nikova E. M. *Razvitie Kategorii Perekhodnosti u Neperehodnykh Glagolov v Sovremennoi Rechi* [Development of the Category Transitivity and Intransitivity of the Verbs in Modern Speech]. *Jaroslavskii Pedagogicheskii Vestnik*, 2014, no. 1, Vol. 1 (Gumanitarnye Nauki), pp. 99–103.
4. Gugunava D. *K Inventarizatsii Sposobov Slovoizvodstva* [On Counting the Ways of Word Formation]. Available at: <https://www.proza.ru/2002/12/18-40> (accessed: 12.04.20).
5. Gugunava D. *Chto Takoe Substituciya i Rederivatsiya?* [What is Substitution and Rederivation?]. Available at: <https://www.proza.ru/2002/12/18-38> (accessed: 15.02.20).

6. Zabashta R. V. *Traditsii i Innovatsii v Konceptsii Russkogo Lingvokul'turologicheskogo Slovarja Kryma* [Traditions and Innovations of the Concept of the Russian Lingvoculturological Vocabulary of the Crimea]. *Uchenye Zapiski Krymskogo Federal'nogo Universiteta Imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie Nauki*, 2019, Vol. 5 (71), no. 4, pp. 126–149.
7. Zemskaja E. A. *Slovoobrazovanie kak Deyatel'nost'* [Word Formation as an Action]. Moscow: KomKniga Publ., 2005. 224 p.
8. Zubova L. V. *Kategoriya Roda i Lingvisticheskii Jeksperiment v Sovremennoi Pojezii* [The Category of Gender and Linguistic Experiment in Modern Poetry]. *Problemy Funktsional'noi Grammatiki: Kategorii Morfologii i Sintaksisa v Vyskazyvanii*. Saint-Petersburg: Nauka Publ., 2000, pp. 194–210.
9. Izotov V. P., Panyushkin V. V. *Neuzual'nye Sposoby Slovoobrazovaniya: Konspekty Lekcii k Spetskursu* [Occasional Ways of Word Formation. Synopsis of the Lecture to Special Course]. Orel: OGU Publ., 1997. 40 p.
10. Izotov V. P. *Parametry Opisaniya Sistemy Sposobov Russkogo Slovoobrazovaniya (Na Materiale Okkazional'noi Leksiki Russkogo Yazyka): Avtoref. Dis. ... Kand. Filol. Nauk* [Parameters of Description of the System of Ways of Russian Word Formation (Based on Occasional Lexics of the Russian Language). Abstract]. Orel, 1998. 35 p.
11. Lykov A. G. *Obratnoe Slovoobrazovanie* [Reverse Word Formation]. *Russkaya Rech'*, 1987, no. 2, pp. 66–70.
12. Moiseev A. I. *Osnovnye Voprosy Slovoobrazovaniya v Sovremennom Russkom Literaturnom Yazyke*. [Main Issues of Word Formation in the Modern Russian Literary Language]. Leningrad: LGU Publ., 1987. 206 p.
13. Namitokova R. Yu. *Avtorskie Novoobrazovaniya: Struktura i Funktsionirovanie (Na Materiale Russkoi Pojezii Vtoroi Poloviny XX Veka)* [Authorial New Formations. Structure and Functioning (Based on Russian Poetry of the Second Half of XX Century)]. Maikop: AGU Publ., 2015. 359 p.
14. Nemchenko V. N. *Sovremennyi Russkii Yazyk. Morfemika i Slovoobrazovanie: Uchebnik* [Modern Russian Language. Morphemics and Word Formation. A Textbook]. Nizhnii Novgorod: NGU Publ., 1994. 296 p.

15. Norman B. Yu. *Kakaya Novaya Russkaya Grammatika Nam Nuzhna?* [What New Russian Grammar Do We Need?]. *Sbornik Tezisev Mezhdunarodnogo Nauchnogo Simpoziuma Russkaya Grammatika 4.0 (Moskva, 13–15 Aprelya 2016 Goda)*. Moscow: Gosudarstvenyi Institut Russkogo Yazyka im. A. S. Pushkina Publ., 2016, pp. 30–32.
16. Petrukhina E. V. *Vozmozhnosti, Funktsii i Konkurenty Slovoпроизводства v Sovremennom Russkom Yazyke* [Opportunities, Functions and Competitors of Word Production in the Modern Russian Language]. *Novye Yavleniya v Slavyanskom Slovoobrazovanii: Sistema i Funktsionirovanie. Doklady XI Mezhdunarodnoi Nauchnoi Konferentsii Komissii po Slavyanskomu Slovoobrazovaniyu pri Mezhdunarodnom Komitete Slavistov*. Moscow: Maks Press Publ., 2010, pp. 424–443.
17. Plotnikova L. I. *Leksicheskie Novoobrazovaniya v Russkom Yazyke* [New Lexical Forms in the Russian Language]. *Teoriya i Praktika Onomasticheskikh i Derivatologicheskikh Issledovaniy: Kollektivnaya Monografiya*. Maikop: Magarin O. G. Publ., 2017, pp. 307–327.
18. Ulukhanov I. S. *Edinitsy Slovoobrazovatel'noi Sistemy Russkogo Yazyka i Ikh Leksicheskaya Realizatsiya* [Units of the Russian Word Formation System and Their Lexical Implementation]. Rossiiskaya Akademiya Nauk, Institut Russkogo Yazyka im. V. V. Vinogradova. Moscow: URSS, LKI Publ., 2008. 225 p.
19. Khimik V. V. *Jekspressivno-ocenochnyi Potentsial Russkogo Modifikatsionnogo Slovoobrazovaniya* [Expressively Evaluative Capability of the Russian Modifying Word Formation]. *Novye Yavleniya v Slavyanskom Slovoobrazovanii: Sistema i Funktsionirovanie. Doklady XI Mezhdunarodnoi Nauchnoi Konferentsii Komissii po Slavyanskomu Slovoobrazovaniyu pri Mezhdunarodnom Komitete Slavistov*. Moscow: Maks Press Publ., 2010, pp. 376–389.
20. Tseitlin S. N. *Ocherki po Slovoobrazovaniyu i Formoobrazovaniyu v Detskoj Rechi* [Essays on Word Formation and Form Formation in Children's Talk]. Moscow: Znak Publ., 2009. 362 p.
21. Shanskii N. M. *Ocherki po Russkomu Slovoobrazovaniyu* [Essays on Russian Word Formation]. Moscow: Lenand Publ., 2016. 332 p.

22. Jepshtein M. N. *O Tvorcheskom Potentsiale Russkogo Yazyka. Grammatika Perekhodnosti i Tranzitivnoe Obshhestvo* [About Creative Capacity of the Russian Language. Grammar of Transitivity and Transitive Society]. *Znamya*, 2007, no. 3, pp. 193–207. Available at: <http://magazines.russ.ru/znamia/2007/3/ep18.html> (accessed: 10.03.2020).

**REDERIVATION
AS A WAY OF OCCASIONAL WORD FORMATION
(ON THE MATERIAL OF CRIMEAN INHABITANTS' ORAL SPONTANIOUS
SPEECH)**

Chepurina I. V.

In the article spontaneous spoken language of inhabitants of the Crimea in the aspect of acting mechanism of occasional ways of word formation, namely rederivation or backward word formation is being studied. Occasional derivational models of backward formation on which new lexical units in everyday informal communication are being created, have been revealed and analyzed. It is established that in this type of speech rederivation is being presented by all traditionally distinguished kinds: desuffixation, deprefixation and depostffixation. Structural semantic specifics and peculiarities of usage of derivates of distinguished types based on specific communicative situation has been analyzed. The biggest popularity and productivity of depostffixation as a way of non-usage word formation in the sphere of impersonal verbs have been illustrated, that testifies active grammatical process: transformation of intransitive verbs into transitive ones.

The author comes to the conclusion that in spontaneous speech of the Crimean city rederivation functions as a word formational and grammatical phenomenon. Backward formation is a method of creating not only occasional lexical units but also verbal forms and reveals creative capability of such grammatical categories as kind of verb and voice of verb, gender of a noun. High efficiency of revealed derivational models of backward formation in oral spontaneous speech allows to consider rederivation as a language technic in occasional filling of empty cells in word formation and grammar.

Keywords: occasional word formation, occasional ways of word formation, derivation, rederivation, backward formation, deprefixation, desuffixation, depostffixation.